

ЛОГИКА «КАПИТАЛИЗМА ДЛЯ СВОИХ»: БОЛЬШАЯ НЕФТЬ, БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Изобилие природных ресурсов в целом и Большая Нефть в частности на протяжении последнего десятилетия рассматриваются как важнейший фактор многих патологий политического и экономического развития — начиная от упадка демократии и свободы слова и кончая коррупцией и гражданскими войнами¹. Исследователи, признавая ключевую роль Большой Нефти в этих процессах, расходятся в оценках эффектов ее воздействия на Большую Политику и Большой Бизнес. Однако наиболее распространенной выступает точка зрения, согласно которой негативное влияние Большой Нефти сказывается лишь в совокупности с другими факторами, природа большинства из которых носит структурный или исторически обусловленный характер². Как заметила Терри Карл, «петро-государства возникают на базе того, что уже создано»³. Россия в этом отношении не служит исключением⁴. Настоящая статья посвящена влиянию Большой Нефти во взаимодействиях между Большой Политикой и Большим Бизнесом в современной России. Речь в ней пойдет об отношениях государственной власти, с одной стороны, и крупных нефтегазовых компаний, с другой. Эти отношения, подробно проанализированные многочисленными исследователями⁵, за последние несколько десятилетий претерпели драматические изменения со времен государственного социализма через турбулентный процесс социально-экономических и политических трансформаций к становлению государственного капитализма, сопровождаясь масштабным перераспределением прав собственности в 1990-е и затем в 2000-е гг. Неудивительно, что характеристика политико-экономического устройства России как «капитализма для своих»

¹ Michael Ross. Does Oil Hinder Democracy, *World Politics*, vol.53, no.2 (2001), 325–61; Michael Ross, How Does Natural Resource Wealth Influence Civil Wars, *International Organizations*, vol. 58, no.1 (2004), 35–67; Thad Dunning, *Crude Democracy: Natural Resource Wealth and Political Regimes* (New York: Cambridge University Press, 2008); Georgy Egorov, Sergei Guriev and Konstantin Sonin, Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data, *American Political Science Review*, vol. 103, no. 4 (2009). P. 645–668.

² Terry Lynn Karl, *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States* (Berkeley, CA: University of California Press, 1997); Dunning, *Crude Democracy*/

³ Karl, Op. cit.. P. 74.

⁴ M. Steven Fish, *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics* (New York: Cambridge University Press, 2005). P. 114–38; William Tompson, The Political Implications of Russia's Resource-Based Economy, *Post-Soviet Affairs*, vol. 21, no. 4 (2005). P. 335–59.

⁵ Joel Hellman, Winners Take All: The Politics of Partial Reforms in Post-Communist Transitions, *World Politics*, vol.50, no.2 (1998). P. 203–34; Сергей Перегудов, Наталья Лапина, Ирина С емененко, *Группы интересов и российское государство* (М.: Эдиториал УРСС, 1999); Timothy Frye, Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no.7 (2002). P. 1017–36; Andrei Yakovlev, The Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*, vol.58, no.7 (2006). P. 1033–56.

(crony capitalism) в последние годы становится общим местом в оценках многочисленных аналитиков и наблюдателей⁶.

Что обусловило становление «капитализма для своих» в России и логику трансформации его основных характеристик в 1990-е и 2000-е гг.? Работы, посвященные анализу российской политики и экономики, связывают эти процессы со структурными факторами (включая тенденции развития отрасли и динамику мировых цен на нефть)⁷ или рассматривают их как побочный продукт корыстных интересов и оппортунистического поведения политических и экономических акторов (включая лидеров государства и нефтяные компании)⁸. Однако в рамках такого рода анализа политические институты зачастую выступают не более чем побочным продуктом интеракций между Большой Политикой и Большим Бизнесом⁹. В рамках данной работы основное внимание уделено именно политическим институтам, которые, наряду с Большой Нефтью, обусловили динамику «капитализма для своих» в современной России. В начале главы представлены основные рамки анализа, основанные на сравнительных исследованиях¹⁰, и призванные объяснить логику развития «капитализма для своих» в России. Затем в свете этого подхода анализируются взаимодействия Большой Нефти, Большого Бизнеса и Большой Политики в Советском Союзе и в России 1990-х и 2000-х гг. на фоне процессов институционального строительства. В заключении раздела делаются выводы о взаимном влиянии политических институтов и механизмов взаимодействия государственной власти и крупных нефтегазовых компаний в России и рассматриваются перспективы их дальнейшей трансформации.

«Капитализм для своих», Большая Нефть и политические институты: случай России

Как правило, динамику взаимодействий государства и бизнеса в трансформирующихся обществах принято рассматривать как результат структурных

⁶ Chrystia Freeland, *Sale of the Century: Russia's Wild Rule from Communism to Capitalism* (New York: Crown Publishers, 2000); David Hoffman, *Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia* (New York: Public Affairs Books, 2002); Anders Aslund, *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed* (Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007).

⁷ Younkyoo Kim, *Resource Curse in a Post-Communist Regime: Russia in Comparative Perspective* (Burlington, VT: Ashgate, 2003); Rudiger Ahrend, Can Russia Break the 'Resource Curse'? *Eurasian Geography and Economics*, vol. 46, no. 8 (2005). P. 584–609; Clifford Gaddy and Barry Ickes, Resource Rent and the Russian Economy, *Eurasian Geography and Economics*, vol.46, no.8 (2005). P. 559–83; Peter Rutland, Putin's Economic Record: Is the Oil Boom Sustainable?, *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no. 6 (2008). P. 1051–72.

⁸ Marshall Goldman, *Petrostate: Putin, Power, and the New Russia* (New York: Oxford University Press, 2008); Richard Sakwa, *The Quality of Freedom: Khodorkovskiy, Putin, and the Yukos Affair* (New York: Oxford University Press, 2009).

⁹ Pauline Jones Luong and Erika Weinthal, Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure, Institutional Capacity, and Domestic Constraints, *Annual Review of Political Science*, vol. 9 (2006). P. 241–63; Pauline Jones Luong and Erika Weinthal, Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth, *Perspectives on Politics*, vol.4, no.1 (2006). P. 35–53.

¹⁰ David Kang, *Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines* (New York: Cambridge University Press, 2002); Jones Luong and Weinthal, Rethinking the Resource Curse.

характеристик экономических акторов, с одной стороны, и степени консолидации государства, с другой. Такой подход, представленный в работе Дэвида Канга, позволяет провести различие между уровнями коррупции в рамках «капитализма для своих» — от ситуации *laissez-faire*, которая характеризуется минимальным уровнем коррупции, до высокого уровня коррупции как в случае поиска ренты, когда происходит «захват государства» со стороны Большого Бизнеса, так и в случае «государства-хищника», когда государственный аппарат, по сути, осуществляет «захват бизнеса». Промежуточным вариантом со средним уровнем коррупции является структурно либо ситуационно обусловленное равновесие сил между политическими и экономическими акторами, или ситуация «взаимных заложников»¹¹.

Канг, анализирувавший взаимодействие политических и экономических акторов на примерах Южной Кореи и Филиппин, выделяет два ключевых фактора, определяющие их характер. Во-первых, структура экономики, которая на Филиппинах определялась большим количеством крайне разрозненных бизнес-групп, а в Южной Корее — малой численностью крупных многоотраслевых холдингов, созданных по инициативе государства. Во-вторых, констелляция акторов в рамках государственного аппарата, который в условиях авторитарных режимов в 1970-80-е гг. в обоих случаях — как в Южной Корее, так и на Филиппинах — представлял собой относительно монолитную и консолидированную группу, в то время как демократизация этих стран в 1980-90-е гг. повлекла за собой относительную фрагментацию государственного аппарата. В силу этих факторов траектории взаимодействий государства и Большого Бизнеса в обоих случаях кардинально разошлись (от «взаимных заложников» к поиску ренты в Южной Корее и от «государства-хищника» к *laissez-faire* на Филиппинах)¹².

Таблица 1

**Типология взаимодействий государства и Большого Бизнеса
(в скобках — уровень коррупции)**

Бизнес-группы	Государственный аппарат	
	Сплоченный	Разобщенный
Концентрация	Взаимные заложники (средний)	Поиск ренты / захват государства (высокий)
Разобщенность	Государство-хищник (высокий)	<i>Laissez-faire</i> (низкий)

Источник: David Kang, Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines (New York: Cambridge University Press, 2002), 15.

¹¹ Kang, Op. cit., P. 12–18.

¹² Kang, Op. cit., 151–53.

Модель взаимодействий государства и Большого Бизнеса, предложенная Кангом, не специфична по отношению к секторам экономики и к проблематике прав собственности. Эти аспекты, однако, рассматриваются в обзорной работе Полин Джонс Луонг и Эрики Вейнталь, которые рассматривали варианты структуры собственности и задаваемых ею механизмов контроля над ресурсами в секторах добычи и переработки природных ресурсов в связи с задаваемыми ими стимулами к институциональному строительству. Авторы выделяют несколько типов структуры собственности — (1) государственная собственность с более чем 50% контроля, когда основные природные (применительно к нашему анализу — нефтегазовые) ресурсы находятся в руках государства, а основными экономическими акторами в нефтегазовом секторе выступают государственные нефтяные и газовые компании; (2) частная собственность с преобладанием национального капитала, когда основными акторами выступают частные нефтегазовые компании, а также (3) государственная собственность с менее чем 50% контроля и (4) частная собственность с преобладанием иностранного капитала, когда основными акторами выступают иностранные инвесторы. В свою очередь, в варианте (1) политические элиты и бюрократия создают условия для размытых взаимоотношений бизнеса и государства и тем самым способствуют становлению слабых институтов. Примерами такого рода могут служить Венесуэла или Мексика, где нефтяной бизнес сосредоточен в руках крупных государственных нефтяных компаний. Напротив, вариант (2) вынуждает как государство, так и частные нефтегазовые компании к более ясным и симметричным взаимоотношениям, благодаря чему возникают основания для становления сильных институтов в долгосрочной перспективе (примером такого рода может служить США). Наконец, ключевая роль иностранных инвесторов задает смешанные стимулы к институциональному строительству и способствует формированию «гибридных» институтов, о чем свидетельствует противоречивый опыт многих стран третьего мира¹³.

В свою очередь, по мнению Джонс Луонг и Вейнталь, возникновение той или иной структуры собственности в секторах экономики, связанных с добычей и переработкой природных ресурсов, обусловлено сочетанием структурных и политических факторов. С одной стороны, ключевую роль играет зависимость экономики той или иной страны от экспорта природных ресурсов. Если она высока, то в соответствующих секторах экономики ресурсных (и тем более — «нефтяных») государств, как правило, преобладает национальный капитал (как государственный, так и частный), в то время как низкая зависимость от экспорта природных ресурсов открывает дорогу для иностранных инвесторов. Вместе с тем, уровень политической конкуренции (тесно связанный с характеристиками политических режимов) определяет место частных собственников в ресурсных секторах экономики — в условиях неконкурентных (главным образом, авторитарных) режимов в них господствует государство, а конкурентные режимы

¹³ Jones Luong and Weinthal, Rethinking the Resource Curse. P. 246–50.

открывают возможности для частных экономических акторов (национальных и иностранных). Таким образом, изменения режимов и динамика зависимости государств от экспорта природных ресурсов объясняют изменения структуры собственности в тех или иных странах¹⁴.

Таблица 2

Структура собственности и институциональные последствия

Структура собственности	Ключевые акторы	Отношения государства и бизнеса	Стимулы к институциональному строительству	Институты
Государственная собственность, более 50% контроль	Политические элиты + бюрократия	Размытые + симметричные	совпадающие	слабые
Частная собственность, национальный капитал	Политические элиты + национальный капитал	Четкие + симметричные	совпадающие	сильные
Государственная собственность, менее 50% контроль	Политические элиты + иностранные инвесторы	Четкие + асимметричные	различающиеся	гибридные
Частная собственность, иностранный капитал	Политические элиты + иностранные инвесторы	Четкие + асимметричные	различающиеся	гибридные

Источник: Pauline Jones Luong and Erika Weinthal, *Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure, Institutional Capacity, and Domestic Control*, *Annual Review of Political Science*, vol. 9 (2006), p. 247.

Таблица 3

Детерминанты структуры собственности

Зависимость от экспорта природных ресурсов	Уровень политической конкуренции		
		Низкий	Высокий
	Высокая	Государственная собственность, более 50% контроль	Частная собственность, национальный капитал
Низкая	Государственная собственность, менее 50% контроль	Частная собственность, иностранный капитал	

Источник: Pauline Jones Luong and Erika Weinthal, *Rethinking the Resource Curse: Ownership Structure, Institutional Capacity, and Domestic Control*, *Annual Review of Political Science*, vol. 9 (2006), p. 257.

Как видно, данные подходы не противоречат друг другу, а, скорее, взаимно дополняемы. Политические и экономические детерминанты, обуславливающие характеристики взаимодействий государства и Большого Бизнеса, а также структуру собственности и качество институтов, во многом взаимосвязаны и взаимозависимы. Однако их влияние проявляется не напрямую, а опосредованно, тем более в ходе крупномасштабных и одновременных

¹⁴ Jones Luong and Weinthal, *Rethinking the Resource Curse*. P. 256–57.

политических и экономических трансформаций. В этом отношении случаи постсоветских государств, включая Россию, представляются весьма интересными с точки зрения анализа траекторий их политического и экономического развития. Сочетание этих факторов — динамики (1) политических режимов и (2) государственного строительства на фоне (3) роста зависимости от экспорта нефти и газа обусловило значительные изменения структуры собственности, тенденций институционального строительства и взаимодействий между государством и Большим Бизнесом.

В целом, траектория России на своего рода карте взаимодействий государства и Большого Бизнеса в последние десятилетия выглядит следующим образом. В советский период господство государственной собственности в экономике на фоне коммунистического авторитарного режима, казалось бы, представляло собой классический пример «государства-хищника». Однако, начиная с 1970-х гг., советская экономика испытывала увеличение зависимости от экспорта нефти и газа¹⁵. Это сочетание факторов влекло за собой относительное усиление влияния государственной бюрократии и менеджеров сырьевого сектора экономики и порождало в отношениях государства и бизнеса ситуацию, близкую к ситуационно обусловленному варианту «взаимных заложников». В конце 1980-х — начале 1990-х гг. нарастание проблем принципал-агентских отношений на фоне упадка административного потенциала государства¹⁶ и смены политического режима с неконкурентного авторитарного на более конкурентный привели к тому, что Большой Бизнес резко расширил возможности для поиска ренты, особенно в нефтегазовом секторе. В середине 1990-х гг. непрозрачный процесс приватизации государственных активов (в особенности, в нефтяной отрасли) способствовал становлению частной собственности, что сопровождалось внезапным и масштабным «захватом государства». Значительное политическое влияние со стороны «олигархов» в этот период подвергалось критике со стороны большинства наблюдателей¹⁷. В начале 2000-х гг. провозглашение российскими властями курса на «равноудаленность» «олигархов» и поиски компромиссов между государством и Большим Бизнесом в отношении налоговой политики и централизации государства, казалось бы, открывало дорогу к становлению структурно обусловленного равновесия сил по модели «взаимных заложников»¹⁸. Однако спустя всего лишь несколько лет рост зависимости России от

¹⁵ Thane Gustafson, *Crisis Amid Plenty: The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989); Мария Славкина, *Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы* (М.: Наука, 2002); Егор Гайдар, *Гибель империи: уроки для современной России* (М.: РОССПЭН, 2006). С. 179–96.

¹⁶ Steven Solnick, *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998); Andrei Shleifer and Daniel Treisman, *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia* (Cambridge, MA: MIT Press, 2000).

¹⁷ Hellman, Op. cit.; Freeland, Op. cit.; Hoffman, Op. cit.

¹⁸ Алексей Зудин, Неокорпоративизм в России: государство и бизнес при Владимире Путине, *Pro et Contra*, т.6, №4 (2001). С. 171–98; Pauline Jones Luong and Erika Weinthal, Contra Coercion: Russian Tax Reform, Exogenous Shocks, and Negotiated Institutional Changes, *American Political Science Review*, vol. 98, no. 1 (2004). P. 139–52.

сырьевого экспорта, с одной стороны, и упадок политической конкуренции в стране, с другой, повлекли за собой фактически поворот к крупномасштабному перераспределению структуры собственности, частичному восстановлению государственной собственности и к расцвету «государства-хищника», для которого характерна политика «захвата бизнеса»¹⁹. Такая модель взаимодействий государства и Большого Бизнеса характерна для России и сегодня, однако она обусловлена ситуационно и в среднесрочной перспективе может подвергнуться существенным изменениям. Рассмотрим подробнее влияние как политических, так и экономических факторов на Большой Бизнес и Большую Политику в современной России.

Большая Нефть и «государство-хищник» в России: колебания маятника

Эпизод 1: Большая Нефть и Рост Большого Бизнеса

Советский опыт взаимодействий государства и Большого Бизнеса в сырьевом секторе важен для понимания логики «капитализма для своих» как минимум, в двух отношениях. Во-первых, он стал «точкой отсчета» для последующих политических и экономических преобразований в России и других постсоветских «нефтяных» государствах (таких, как Казахстан и Азербайджан) и по сей день во многом служит нормативным идеалом для значительной части ведущих российских политиков и чиновников. Во-вторых, как справедливо отмечает Анна Бессонова, несмотря на «кардинальные отличия характера развития нефтегазовой отрасли советского периода и современной эпохи, действия руководящих элит в отношении внешних и внутренних вызовов нефтедобывающему сектору и экономике в целом во многом схожи. Преобладание краткосрочных решений проблем отрасли, неэффективность ведения хозяйства и системы в целом не создавали и не создают стимулов для развития... системы, способной реагировать на современные изменения»²⁰.

Хотя исследователи советской экономики оспаривали тезис о ее плановом характере²¹, нет сомнений в том, что она не была рыночной. Нефтегазовая отрасль, как и вся советская система, была частью единого директивного механизма управления, созданного централизованным «государством-хищником» еще в 1920–30-е гг. Этот механизм задавал главным образом краткосрочные стимулы для всех акторов и порождал благоприятную среду для

¹⁹ William Tompson, Putting Yukos in Perspective, *Post-Soviet Affairs*, vol. 21, no. 2 (2005). P. 159–81; Vadim Volkov, Standard Oil and Yukos in the Context of Early Capitalism in the United States and Russia, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 16, no. 3 (2008). P. 240–64.

²⁰ Анна Бессонова, *Нефтедобыча в России: государственная политика и инновационные перспективы* (М.: Московский центр Карнеги, 2009). С. 6. www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/WP_anna_bessonova.pdf

²¹ Peter Rutland, *The Myth of the Plan: Lessons from Soviet Planning Experience* (London: Hutchinson, 1985); Виталий Найшуль, *Высшая и последняя стадия социализма*, Татьяна Ноткина (ред.), *Погружение в трясину* (М.: Прогресс, 1991). С. 31–62.

групп специальных интересов²². С одной стороны, советское государство вкладывало значительные ресурсы в развитие нефтегазовой отрасли и управляло ее предприятиями через отраслевые министерства и органы планирования. С другой стороны, сами нефтяники и газовики обладали немалыми возможностями по лоббированию своих интересов, которые были связаны с экстенсивным развитием — увеличением масштабов добычи нефти и газа в ущерб инвестициям в новые технологии добычи и переработки и более эффективному использованию действующих месторождений²³. Органы управления отраслью по мере ее развития стали играть роль главного инструмента лоббирования интересов сектора, в то время как географическая рассредоточенность нефтегазовых предприятий по территории страны и технологические особенности добычи и переработки нефти способствовали усилению позиций территориальных групп интересов, объединявших, тем самым, феномены «ведомственности» и «местничества»²⁴. Советская система, таким образом, стимулировала размытость границ между политическим руководством и Большим Бизнесом в нефтегазовой сфере, и способствовала неэффективности институтов управления отраслью и экономикой в целом.

Начиная с периода «нефтяного бума» 1970-х гг., советская экономика все в большей мере вынуждена была обеспечивать потребности страны в потребительских товарах за счет экспорта нефти и газа, что вынуждало советских руководителей идти навстречу специальным интересам нефтяного сектора. Иначе говоря, как руководство страны, так и руководство отрасли были заинтересованы в краткосрочной максимизации объема ресурсной ренты в ущерб экономической эффективности. Бывший премьер-министр России Егор Гайдар, анализирувавший экономические причины коллапса советской системы, ссылался на своего предшественника, председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина, который вынужден был лично звонить руководителям отрасли и просить их срочно увеличить добычу и, соответственно, экспорт нефти ради того, чтобы на вырученные средства закупить за рубежом необходимое количество зерна²⁵. Не будет преувеличением утверждать, что взаимоотношения государства и нефтегазовой отрасли в этот период приобрели характер ситуационно обусловленного равновесия «взаимных заложников». Повышение значимости нефтегазовой отрасли сопровождалось ослаблением централизованного контроля над ней со стороны политического руководства СССР на фоне усугубления проблем принципал-агентских отношений в масштабах страны в целом. Обратной стороной такого подхода стал инвестиционный кризис, разразившийся в отрасли в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в результате ее ориентации почти исключительно

²² Gordon Skilling and Franklyn Griffiths, eds., *Interest Groups in Soviet Politics* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971); Перегудов, Лапина, Семенов, Ук. соч.. С. 44–69.

²³ Бессонова, Ук. соч. С. 6–9; Goldman, Op. cit. P. 39–43.

²⁴ Peter Rutland, *The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management* (New York: Cambridge University Press, 1993). P. 91–108.

²⁵ Гайдар, Ук. соч. С. 181.

на экстенсивное развитие. Спад производства нефти в 1980-е гг. повлек за собой увеличение централизованных инвестиций в отрасль, но их масштаб оказался недостаточным для исправления патологий, а резкий спад мировых цен на нефть в 1985–1986 гг. нанес непоправимый удар как по нефтегазовой сфере, так и по экономике страны в целом²⁶.

Крупномасштабный кризис советской экономики в конце 1980-х гг., в конечном итоге приведший к ее полному краху, способствовал подрыву складывавшихся десятилетиями механизмов управления секторами экономики, включая нефтегазовый. Ослабление централизованного контроля над предприятиями на фоне попыток оживить производство посредством институциональной либерализации повлекло за собой переход специальных интересов из скрытой в открытую форму. На фоне спонтанного становления рыночных механизмов проявлением этой тенденции в нефтегазовом секторе стало резкое изменение баланса сил между государством и экономическими акторами. Если государство в процессе распада СССР подверглось фрагментации и ослаблению своего силового потенциала, то экономические акторы оказались предоставлены сами себе и получили почти неограниченные возможности для поиска ренты²⁷. Следствием такого развития событий стал крах модели «взаимных заложников» и переход предприятий отрасли под контроль менеджеров. Наиболее наглядным проявлением этой тенденции стала трансформация газовой отрасли. Сперва из Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР выделилось Министерство газовой промышленности, а в 1989 году по инициативе тогдашнего министра (позднее — премьер-министра России) Виктора Черномырдина было принято решение о создании на его основе концерна «Газпром», который возглавил сам Черномырдин и к которому отошли все активы отрасли²⁸.

Хотя крупнейшие нефтедобывающие предприятия были в начале 1990-х гг. преобразованы в акционерные общества, формально находившиеся под государственным контролем, ситуации в отрасли это не улучшило, особенно на фоне ослабления и фрагментации российского государства²⁹. Некоторые из этих предприятий — такие, как «Татнефть» и «Башнефть» — перешли под контроль республиканских элит Татарстана и Башкортостана, провозгласивших свой суверенитет и добившихся льготных условий налогообложения для находившихся в их собственности предприятий. В большинстве других предприятий нефтегазовой отрасли формальное сохранение государственной собственности в начале 1990-х гг. было лишь фасадом, за которым скрывался феномен «красных директоров». Руководители многих принадлежавших государству предприятий были заинтересованы в захвате и последующем расхищении их

²⁶ Gustafson, *Op.cit.*. P. 53; Гайдар, Ук. соч., С. 190–96.

²⁷ Anders Aslund, *How Russia Became a Market Economy* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 1995), Chapter 2; Перегудов, Лапина, Семенов, Ук. соч. С. 69–75, 87–91.

²⁸ Kim, *Op.cit.*, 76–91; Яков Паппэ, Яна Галухина, *Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономическая хроника 1993–2008* (М.: ГУ-ВШЭ, 2009). С. 79–86.

²⁹ Kim, *Op. cit.*, 91–92.

активов, в то время как государство было не в состоянии не только обеспечить сколь-нибудь эффективное управление предприятиями отрасли, но и даже взимать с них налоги. Тот же «Газпром» длительное время оставался «государством в государстве», уплачивая налоги лишь в ходе неформальных переговоров с руководителями государства³⁰. В результате спад производства в отрасли продолжался, а полная исчерпанность модели государственной собственности вынуждала к переменам в отношениях государства и Большого Бизнеса.

Эпизод 2: Расцвет и упадок «олигархов»

Необходимость преобразований собственности в нефтегазовой отрасли (как и в других отраслях) в России 1990-х годов была вызвана не только экономическими, но и политическими факторами. Во-первых, начало посткоммунистических экономических трансформаций в Восточной Европе сопровождалось активным стремлением реформаторов к проведению политики приватизации в силу не только экономических соображений, нашедших отражение в концепции «Вашингтонского консенсуса», но и в силу притягательности идеологии либеральных реформ³¹. Во-вторых, крах монополии на власть правящей партии и становление конкурентной политической системы разгосударствления собственности оказались в центре политической повестки дня³². В-третьих, наконец, становление новых экономических акторов в лице частного бизнеса внутри страны и открытие постсоветской России для иностранного капитала способствовало тому, что нефтегазовая отрасль становилась для них потенциально привлекательным объектом в ходе приватизации.

По сути, перед российским правительством в 1990-е гг. стоял выбор между поддержанием по умолчанию прежнего состояния поиска ренты в нефтегазовой отрасли и продажей части ее активов представителям иностранного либо российского бизнеса³³. Поскольку сохранение статус-кво российских реформаторов явно не устраивало, приватизация отрасли к 1994–95 годам встала на повестку дня. Однако идея крупномасштабного перехода активов отрасли под контроль иностранного капитала не пользовалась популярностью у немалой части российского общества и в ходе конкурентных общенациональных выборов могла использоваться левой оппозицией как повод для обвинений правительства в «продаже Родины Западу». В свою очередь, становившийся на ноги российский бизнес не был заинтересован в приходе в страну мощных зарубежных конкурентов, поэтому лоббировал ограничения для участия иностранного капитала в приватизации ряда привлекательных отраслей, включая нефтегазовый³⁴. Со своей стороны, политическая

³⁰ Борис Немцов, Владимир Милов, *Путин и «Газпром»: независимый экспертный доклад* (М.: 2008). С. 7. www.milov.info/cp/wp-content/uploads/2008/10/broshura_gazprom_1.pdf.

³¹ Hillary Appel, *A New Capitalist Order: Ideology and Privatization in Russia and Eastern Europe* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2004).

³² Michael McFaul, *State Power, Institutional Change, and the Politics of Privatization in Russia*, *World Politics*, vol. 47, no. 2 (1995). P. 210–43.

³³ Aslund, *How Russia Became a Market Economy*, Chapter 7.

³⁴ Freeland, *Op. cit.*

нестабильность и слабость российского государства и его институтов в 1990-е годы отнюдь не притягивала зарубежных инвесторов, которые не стремились к массивному вторжению на российский рынок, ограничиваясь отдельными проектами разработки новых месторождений и лоббируя свои интересы в российском парламенте через принятие законов о соглашениях о разделе продукции и об использовании недр. Да и объективно в условиях высокой зависимости страны от нефтегазового экспорта переход основных активов отрасли в руки иностранцев был маловероятным³⁵.

Трудно сказать, каким путем могли бы пойти преобразования в нефтегазовой отрасли в России, однако в условиях экономического спада, высокой политической неопределенности и ожесточенной борьбы за власть на фоне острого фискального кризиса российское правительство использовало механизм приватизации для получения политической и финансовой поддержки со стороны российского бизнеса. В 1995 г. по инициативе Анатолия Чубайса был подготовлен проект схемы «залоговых аукционов», осуществленных в 1995-1996 гг. Их суть состояла в том, что правительство передавало принадлежащие ему контрольные пакеты акций крупнейших предприятий в нефтяной отрасли, металлургии и ряде других отраслей в залог представителям российских банков в обмен на прямую выплату ими денег, которыми правительство могло распоряжаться по своему усмотрению. Формально, правительство было вправе выкупить акции обратно в течение года после сделки, в противном случае акции переходили в собственность банков (что в итоге и произошло). Фактически же, речь шла о том, что российские власти передали контроль над рядом активов (включая нефтяные) произвольно отобранным и тесно связанным с ними представителям отечественного бизнеса, которые, со своей стороны, помимо выплаты денег, гарантировали правительству также и свою политическую поддержку в преддверии намеченных на лето 1996 г. президентских выборов. В частности, Тюменская нефтяная компания (ТНК) перешла в руки Альфа-банка во главе с Михаилом Фридманом, нефтяная компания «Юкос» — банку «Менатеп» во главе с Михаилом Ходорковским, а «Сибнефть» — холдингу, подконтрольному Борису Березовскому.

«Залоговые аукционы» подвергались острой критике с различных позиций. Во-первых, сумма денег, вырученных в их ходе российским правительством, по ряду оценок, была многократно ниже рыночной цены контрольных пакетов акций предприятий, если бы они были проданы на открытом рынке в ходе аукционов. Во-вторых, средства, полученные от банкиров в ходе «залоговых аукционов», правительство произвольно использовало в период накануне президентских выборов 1996 г. для покрытия долгов по пенсиям и заработным платам и для целевых социальных выплат. По мнению ряда наблюдателей, эти выплаты и расплаты по долгам сыграли немалую роль в успешном

³⁵ Владимир Милов, *Современная ситуация в России: политика, экономика, будущее. Стенограмма семинара Вечера в Европейском* (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 28.11.2009) www.eu.spb.ru/images/pss_dep/vech_v_evro_281108.doc.

переизбрании тогдашнего президента России Бориса Ельцина на свой пост³⁶. В-третьих, наконец, правительство, предоставив крупному российскому бизнесу серьезные экономические привилегии в процессе приватизации, оказалось в значительной политической зависимости от крупных бизнесменов («олигархов»). Эта зависимость усилилась в ходе президентских выборов 1996 г. Вскоре после выборов ряд «олигархов» и их ставленников получили в качестве «добычи» высокие правительственные посты, открывавшие им новые возможности для дальнейшего *rent seeking*³⁷. Попытки ряда представителей российского правительства (включая Чубайса) поставить заслон на этом пути были не слишком успешными: к концу 1997 г. они потерпели поражение в борьбе с «олигархами»³⁸. Такое развитие событий дало основание для ряда утверждений о «захвате государства» со стороны крупного российского бизнеса, который стал оказывать ключевое влияние на принятие многих значимых решений в политике и экономике страны³⁹. Фактический «захват государства» Большим Бизнесом рассматривался как предельное проявление поиска ренты в масштабах России в целом — в отличие от деятельности тех же «красных директоров», которые осуществляли поиск ренты, скорее, децентрализованно, в масштабах отдельных предприятий и/или регионов⁴⁰.

Хотя политические последствия залоговых аукционов *deals* с точки зрения взаимодействия российского государства и Большого Бизнеса расценивались сугубо негативно, их последствия для нефтяной отрасли были далеко не столь однозначными. В частности, приход новых частных собственников к управлению нефтяными компаниями позволил не только преодолеть феномен «красных директоров» и существенно улучшить качество корпоративного управления, но и привлечь инвестиции в отрасль, что позволило вскоре остановить длительный спад производства⁴¹. Придя в нефтяной бизнес, «олигархи» вскоре оказались вынуждены прилагать усилия к более эффективному использованию доставшихся им от государства активов. Используя терминологию Манкура Олсона, можно утверждать, что после залоговых аукционов российские «олигархи» начали переходить от присущего им в начале 1990-х годов состояния «кочующих бандитов» к состоянию «оседлых

³⁶ Daniel Treisman, Why Yeltsin Won: A Russian Tammany Hall, *Foreign Affairs*, vol. 75, no. 5 (1996). P. 64–75; Michael McFaul, *Russia's 1996 Presidential Elections: The End of Polarized Politics?* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1997).

³⁷ Freeland, *Op. cit.*; Paul Khlebnikov, *Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia* (New York: Harvest Books, 2001); Hoffman, *Op. cit.*

³⁸ Russell Bova, *Democratization and the Crisis of the Russian State*, Gordon Smith, ed., *State-Building in Russia: The Yeltsin's Legacy and the Challenge of the Future* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1999). P. 17–40.

³⁹ Hellman, *Op. cit.*

⁴⁰ Яков Паппэ, Треугольник собственников в российской региональной промышленности; Владимир Климанов, Наталья Зубаревич (ред.), *Политика и экономика в региональном измерении* (М.-СПб.: Летний сад, 2000). С. 109–20.

⁴¹ Kim, *Op. cit.* P. 94–102; Valery Kryukov, *Adjustment to Change: The Case of the Oil and Gas Industry*, Stefanie Harter and Gerald Easter, eds., *Shaping the Economic Space in Russia* (Burlington, Vermont: Ashgate, 2000). P. 113, 118–20.

бандитов»⁴², подобно американским «баронам-разбойникам» в начале XX века. Во всяком случае, если для «олигархов» этот процесс, носивший централизованный характер, занял годы, то при сохранении децентрализованного контроля над активами отрасли в руках «красных директоров» и/или региональных лидеров он мог занять десятилетия.

Период «захвата государства» Большим Бизнесом в России оказался довольно краткосрочным. После финансового кризиса 1998 г. влияние Большого Бизнеса на принятие решений правительством оказалось подорвано⁴³, а усиление силового потенциала российского государства на фоне произошедшего на рубеже 1999–2000 гг. перехода власти от Бориса Ельцина к его преемнику Владимиру Путину нанесло сильный удар по «олигархам». Уже летом 2000 г. Путин на встрече с «олигархами», происходившей в его загородной резиденции, сделал Большому Бизнесу неформальное «предложение, от которого невозможно отказаться», которое получило неофициальное название «шашлычное соглашение». Суть его состояла в том, что государство не будет пересматривать права собственности и сохранит «равноудаленный» подход по отношению к «олигархам», в то время как Большой Бизнес должен сохранять лояльность по отношению к властям и не вмешиваться в процесс принятия важнейших политических решений. Те немногие «олигархи» (включая Бориса Березовского), которые не согласились с условиями этого неформального соглашения, вскоре лишились своих активов и вынуждены были покинуть Россию⁴⁴; у остальных представителей российского Большого Бизнеса в этой ситуации попросту не оставалось выбора.

В известной мере, «шашлычное соглашение» знаменовало новый этап во взаимодействиях Большой Политики и Большого Бизнеса в России, который оказался близок к модели «взаимных заложников». С одной стороны, российское государство сделало шаги навстречу «олигархам», создавая благоприятные условия для бизнеса. В частности, российские власти стремились к привлечению иностранных инвестиций в нефтяную отрасль (примером чего стало создание совместной компании ТНК с British Petroleum (ТНК-ВР)) и к улучшению налогового климата. Так, в ходе налоговой реформы 2000–2001 гг. государство нашло компромисс с интересами Большого Бизнеса, согласовав с представителями нефтяных компаний ставки и порядок уплаты налогов, включая налог на добычу полезных ископаемых⁴⁵. С другой стороны, Большой Бизнес, хотя и не отказался от лоббирования своих интересов в российском парламенте и в региональных органах власти, все же не мог открыто диктовать свои условия российскому государству, подобно периоду 1996–1998 гг., и принимал «правила игры», выработанные политиками. Более

⁴² Mancur Olson, *Dictatorship, Democracy, and Development*, *American Political Science Review*. Vol. 87. No. 3 (1993). P. 567–76.

⁴³ Паппэ, Галухина, Ук. соч. С. 90–92.

⁴⁴ Khlebnikov, *Op.cit.*; Hoffman, *Op. cit.*, Chapter 6.

⁴⁵ Jones Luong and Weinthal, *Contra Coercion*; Jones Luong and Weinthal, *Combating the Resource Curse*.

того, Большой Бизнес активно поддерживал ряд шагов главы государства, в том числе политику рецентрализации государственного управления, разрушавшую локальные барьеры на пути развития бизнеса и направленную на становление единого общероссийского рынка⁴⁶. Президент и правительство страны признали крупнейшие объединения российских предпринимателей в качестве своих официальных младших партнеров в рамках, казалось, возникавшей в России корпоративистской модели взаимодействия государства и групп интересов⁴⁷. По оценкам некоторых наблюдателей, такой баланс сил между государством и Большим Бизнесом оказывал в период 2000–2003 гг. благоприятное воздействие как на курс экономических реформ, так и на сохранение в России политического плюрализма⁴⁸.

Однако, равновесие «взаимных заложников» периода 2000–2003 гг. в России оказалось обусловлено лишь ситуационной расстановкой сил и не опиралось ни на структурные условия, ни тем более на формальные институты. Поскольку «шашлычное соглашение» было лишь тактической сделкой, постольку его условия легко можно было односторонне пересмотреть при изменении политической и экономической конъюнктуры⁴⁹. К такому пересмотру российские власти подталкивали как политические, так и экономические факторы. В экономическом плане, рост мировых цен на нефть и повышение доходов от ресурсной ренты в 2000-е гг. (особенно по сравнению с периодом 1990-х гг.) на фоне существенного усиления силового потенциала российского государства подталкивали российские власти к этатистской экономической политике⁵⁰ и к пересмотру формальных и неформальных «правил игры» во взаимоотношениях с Большим Бизнесом (в том числе в нефтегазовой сфере). В политическом плане, в этот период в России наметился поворот к авторитарному правлению, который сопровождался ограничениями политической конкуренции и усилением монополии Кремля, под контролем которого к 2003 г. находились региональные элиты, основные средства массовой информации и парламент, где доминировала проправительственная партия «Единая Россия». Дальнейшее распространение политической монополии Кремля на сферу экономики становилось в этих условиях логичным следующим шагом российских властей, тем более что идея ревизии итогов приватизации и восстановления господства государственной собственности пользовалась также значительной поддержкой и в российском обществе. Пересмотр прав собственности в этой связи выглядел весьма логичным решением с точки зрения Большой Политики, особенно в ходе кампании парламентских выборов 2003 г.

⁴⁶ Наталья Зубаревич. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть, *Pro et Contra*. Т. 7. № 1, 2002. С. 107–20.

⁴⁷ Зудин, Ук. соч.

⁴⁸ Jones Luong and Weinthal, *Contra Coercion*; William Tompson, *Putin and the Oligarchs: A Two-Sided Commitment Problem*, Alex Pravda, ed., *Leading Russia: Putin in Perspective* (New York: Oxford University Press, 2005). P. 179–203.

⁴⁹ Philip Hanson, *Observations on the Costs of Yukos Affair to Russia*, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 46, no. 7 (2005), 481–94.

⁵⁰ Fish, *Op. cit.* P. 139–92.

25 октября 2003 г. основной владелец и глава крупнейшей частной российской нефтяной компании «Юкос» Михаил Ходорковский был арестован по обвинению в уклонении от уплаты налогов и позднее осужден на длительный тюремный срок. По мнению ряда наблюдателей, вероятные мотивы его ареста носили, прежде всего, политический характер. Они были связаны как со стремлением Ходорковского лоббировать свои интересы в парламенте и его поддержкой на выборах различных партий, в списки которых были включены его ставленники, так и с его намерениями продать свой бизнес в «Юкосе» американским нефтяным компаниям (в частности, в качестве возможных покупателей назывались *Shevron* и *Conoco Phillips*) и заняться политической деятельностью⁵¹. Арест Ходорковского вскоре повлек за собой и крах «Юкоса»: основные активы компании были проданы в счет уплаты ее долгов. При этом, российские власти, используя непрозрачные механизмы и действуя через подставные посреднические структуры, обеспечили переход принадлежавших «Юкосу» добывающих и перерабатывающих предприятий под контроль государственной нефтяной компании «Роснефть», совет директоров которой возглавлял ближайший соратник Путина Игорь Сечин. При этом активы «Юкоса» были приобретены «Роснефтью» по цене намного ниже рыночной⁵².

Андерс Ослунд и Вадим Волков, анализировавшие судьбу российских «олигархов» в начале XXI века в сравнении с американскими «баронами-разбойниками» в начале XX века, в этой связи обращали внимание на фундаментальные отличия логики *crony capitalism* в российском случае. В результате «дела Юкоса» исходом конфликта между Большим Бизнесом и российским государством стало не просто преследование и разорение преследуемого властями «олигарха» (как было, например, в случае *Standard Oil* в США), но фундаментальный пересмотр прав собственности, получивший развитие в последующие годы⁵³. Собственно, «дело Юкоса» стало поворотным моментом во взаимоотношениях российского государства и Большого Бизнеса, обозначив переход от временного равновесия «взаимных заложников» к политике «захвата бизнеса» российским государством, переходу (или возврату) нефтяной отрасли к модели государственной собственности и к дальнейшему становлению «государства-хищника» в России.

Эпизод 3: Возвращение «государства-хищника»

«Дело Юкоса» изменило конфигурацию экономических акторов в российской нефтегазовой отрасли и в других отраслях, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, это событие открыло дорогу к масштабной ревизии

⁵¹ Tompson, *Putting Yukos in Perspective*; Aslund, *Russia's Capitalist Revolution*; Goldman, *Op.cit.*; Volkov, *Op.cit.*; Паппэ, Галухина, Ук. соч. С. 197–226.

⁵² Нина Пусенкова, «Роснефть» как зеркало русской эволюции // *Pro et Contra*. Т. 10. № 2–3 (2006). С. 91–104.

⁵³ Anders Aslund, *Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States*, *CASE Network Studies and Analyses*, no.296 (2005) papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1441910; Volkov, *Op. cit.*

прав собственности в нефтяной отрасли. На фоне бума нефтяных цен в период 2004–2008 гг. вслед за фактической национализацией «Юкоса» российское государство начало атаку на другие активы, принадлежавшие как российскому частному капиталу, так и иностранному бизнесу⁵⁴. В 2006 г. власти усилили давление на международный проект «Сахалин-2» по разработке нефтяных месторождений в Сахалинской области, осуществлявшийся при участии Shell и японских компаний. Иностранные компании были обвинены в нарушении российского экологического законодательства, после чего они вынуждены были выйти из проекта, продав свои доли в нем структурам «Газпрома». Годом ранее «Газпром» приобрел контрольный пакет акций нефтяной компании «Сибнефть», который находился под контролем близкого к Кремлю бизнесмена Романа Абрамовича, причем стоимость сделки (\$13,7 млрд), по ряду оценок, намного превышала рыночную⁵⁵. В 2006–2007 гг. атака властей на частную российскую компанию «Русснефть» (ее руководителя Михаила Гучериева, как и Ходорковского, обвинили в уклонении от уплаты налогов) завершилась тем, что Гучериев был вынужден эмигрировать в Великобританию и продать контрольный пакет акций компании структурам близкого к Кремлю бизнесмена Олега Дерипаски⁵⁶. Наконец, в 2008 г. был спровоцирован корпоративный конфликт внутри компании ТНК-ВР, который привел к смене менеджмента, представлявшего интересы британских акционеров, хотя переход ее активов под контроль российских собственников не состоялся (по крайней мере, пока). В целом, можно говорить об усилившейся после «дела Юкоса» тенденции к экспроприации собственности в нефтяной отрасли и переходу ее активов под контроль государственных компаний или частного бизнеса, связанного с российскими властями, что служит индикатором «захвата бизнеса» со стороны «государства-хищника».

Во-вторых, параллельно с ростом зависимости России от Большой Нефти (т. е. экспорта нефти и газа) и увеличением объема ресурсной ренты в 2000-е гг. (и, в особенности, после «дела Юкоса») происходил и дальнейший упадок качества ее институтов. Свидетельством этого стало систематическое ухудшение показателей, характеризующих Россию в международных сравнениях качества управления и верховенства права⁵⁷, а непосредственными проявлениями — непрозрачность управления (как государственного, так и корпоративного), способствующая росту коррупции, а также нарастание неэффективных затрат, в том числе и прежде всего — в нефтегазовом секторе⁵⁸. В середине 2000-х гг. в число крупнейших мировых компаний — трейдеров нефти — вошла ранее мало кому известная фирма Gunvor, зарегистрированная в Швей-

⁵⁴ Philip Hanson, *The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry*, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no. 1 (2009). P. 14–27.

⁵⁵ Немцов, Милов, Ук. соч. С. 22–23.

⁵⁶ Hanson, *The Resistible Rise*. P. 17–18.

⁵⁷ *Governance Matters 2009. Worldwide Governance Indicators, 1996–2008*, info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp.

⁵⁸ Немцов, Милов, Ук. соч.

царии и возглавляемая бывшим сослуживцем Путина по КГБ Геннадием Тимченко. По некоторым оценкам, Gunvor поставлял на мировой рынок до 40% нефти, экспортируемой из России, прежде всего, государственными компаниями «Роснефть» и «Газпромнефть»; при этом деятельность самой компании и структура ее собственников остается непрозрачной⁵⁹. В эти же годы резко ухудшались экономические показатели российского газового монополиста — «Газпрома». На фоне стремительного роста операционных издержек компании (с 2000 по 2007 год они выросли в 3.9 раза) быстро увеличивались ее долги, составившие в 2007 г. 66% от годовой выручки «Газпрома» (за период с 2000 по 2007 г. их объем вырос в 4.6 раза). По оценкам бывшего заместителя министра энергетики России Владимира Милова, причиной такого положения дел стали, прежде всего, неоправданные расходы «Газпрома» по приобретению непрофильных активов в нефтяной отрасли и энергетике (как внутри страны, так и за рубежом) и в других отраслях, а также по закупке газа у производителей из Центральной Азии и Казахстана⁶⁰. Параллельно осуществлялся вывод ряда активов из-под контроля «Газпрома» и передача их в руки лиц и организаций, имевших тесные личные связи с Путиным. В результате, добыча газа «Газпромом» и его поставки на внутренний рынок в 2000-е годы практически не росли, в то время как инвестиции в добычу увеличивались явно недостаточно⁶¹. Таким образом, крупномасштабное увеличение присутствия российского государства в нефтегазовой отрасли в условиях «государства-хищника» фактически повлекло за собой снижение эффективности Большого Бизнеса и превращение его в «дойную корову» для связанных с властями бизнесменов и чиновников⁶².

На фоне бурной экспансии российского государства в нефтегазовый сектор в 2000-е гг. проблемы самой отрасли лишь усугублялись. Наметившиеся исчерпание месторождений и/или снижение рентабельности добычи сырья повлекли за собой спад добычи нефти в начале 2008 года, во многом напоминавший аналогичный кризис 1980-х годов⁶³. Только в «Газпромнефти» среднесуточная добыча нефти за 2005–2008 годы снизилась на 11,5%⁶⁴. На фоне роста потребности экономики в увеличении поставок нефти и газа перспектива дефицита сырья оказывалась все более реальной. Помимо неэффективности корпоративного управления, немалую роль в такой ситуации сыграла и политика стратегического планирования в отрасли. Как российские

⁵⁹ Catherine Belton and Neil Buckley, *On the Offensive: How Gunvor Rose to the Top of Russian Oil Trading*, *Financial Times*, 14 May 2008.

⁶⁰ Немцов, Милов, Ук. соч. С. 51–52.

⁶¹ Татьяна Митрова, Яков Паппэ, «Газпром»: от большой трубы к большому бизнесу. *Pro et Contra*. Т. 10. № 2–3, 2006. С. 73–85; Владимир Волков, «Газпром»: рискованная стратегия. *Pro et Contra*. Т. 10. № 2–3, 2006. С. 86–90.

⁶² Hanson, *The Resistible Rise*.

⁶³ Бессонова, Ук. соч.; Clifford Gaddy and Barry Ickes, *Russia's Declining Oil Production: Managing Price Risk and Rent Addiction*, *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 50. No. 1 (2009). P. 1–13.

⁶⁴ Немцов, Милов. Ук. соч. С. 22.

власти, так и государственные и частные нефтегазовые компании, стремясь к краткосрочным выгодам, не инвестировали достаточных ресурсов в проекты, ориентированные на долгосрочную отдачу. Как и в советский период, экстенсивное увеличение объема добычи сырья не подкреплялось технологическими инновациями, направленными на повышение отдачи месторождений и на более глубокую переработку, а закупки дорогостоящего импортного оборудования лишали проблемы отрасли лишь частично⁶⁵. В свою очередь, подобное краткосрочное планирование носило вынужденный характер для российского Большого Бизнеса: оно было во многом обусловлено низким качеством институтов и вызванной им «неуверенностью в постоянстве правил игры» в условиях российского «государства хищника»⁶⁶.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., сопровождавшийся резким падением мировых цен на нефть и спадом производства, нанес довольно чувствительный удар по российской нефтегазовой отрасли и вынудил российские власти и Большой Бизнес задуматься об изменении своей политики в отрасли. Осенью 2009 г. российские власти заявили о стремлении к широкому привлечению иностранных инвестиций в добычу и переработку нефти и газа на льготных для инвесторов условиях, а также анонсировали свои намерения по предстоящей приватизации нефтяных компаний⁶⁷. Однако есть немало оснований полагать, что эти высказывания останутся на уровне благих пожеланий, а существенные изменения курса российских властей в отношении Большого Бизнеса в целом и нефтегазовой отрасли в частности на сегодняшний день маловероятны. Действительно, несмотря на кризис (или даже благодаря ему), российские нефтегазовые компании, прежде всего, государственные, по-прежнему оставались непрозрачными, не отказываясь ни от неоправданно высоких выплат и бонусов своим топ-менеджерам, ни от ряда амбициозных инвестиционных проектов, в том числе связанных с непрофильными для отрасли затратами. Характерным примером такого рода стало принятое осенью 2009 г., несмотря на протесты общественности, решение о начале строительства в Санкт-Петербурге «Охта-центра» — нового масштабного офисного комплекса «Газпрома», который по замыслу проектировщиков должен быть увенчан башней высотой свыше 400 метров.

Резюмируя, можно отметить, что взаимоотношения российского государства и Большого Бизнеса в течение последних десятилетий напоминали своего рода колебания маятника. От равновесия «взаимных заложников» между государством и нефтегазовыми предприятиями советского периода этот маятник на рубеже 1980–1990-х годов начал смещаться в сторону поиска ренты, дойдя до крайней точки «захвата государства» в 1996–98 гг. В 2000-е гг. началось возвратное движение маятника в сторону усиления по-

⁶⁵ Бессонова, Ук. соч.

⁶⁶ Gaddy and Ickes, *Russia's Declining Oil Production*; Hanson, *The Resistible Rise*.

⁶⁷ Татьяна Становая, «Роснефть» в жертву. *Politcom.ru*. 23 сентября 2009 г. www.politcom.ru/8847.html.

зиций государства, и, проскочив точку равновесия «взаимных заложников», начиная с 2003–2004 гг., после «дела Юкоса» этот маятник стал стремительно сдвигаться в сторону predatory state, где он остается и поныне. Современное состояние взаимодействий российского государства и Большого Бизнеса в нефтегазовой отрасли можно оценить как неэффективное равновесие. Но насколько оно устойчиво и каковы возможные факторы его изменений?

Политические институты, Большая Нефть и российское государство: порочный круг?

Представленное описание динамики взаимодействий российского государства и Большого Бизнеса дает основания утверждать, что колебания маятника во многом совпадают с динамикой изменений не только политического курса российских властей, но также и политических институтов и политического режима в целом. В самом деле, советский период характеризовался этатистской экономической политикой, устойчивым монопольным господством партии-государства и коммунистическим авторитарным режимом. В 1990-е годы на фоне низких мировых цен на нефть распад прежней экономической и политической системы повлек за собой попытки проведения либерального экономического курса и формирование нестабильных переходных политических институтов, поддерживавших «плюрализм по умолчанию» и стихийное становление конкуренции политических и экономических акторов⁶⁸. Эти изменения, во многом сопутствовавшие «захвату государства» Большим Бизнесом, справедливо критиковались как неэффективные, однако с сегодняшних позиций их, скорее, можно оценить как затянувшиеся тяжелые «болезни роста» российских политических и экономических реформ. Однако средства их лечения в 2000-е годы оказались таковы, что они способствовали появлению глубоких хронических заболеваний в российской политике и экономике и патологиям в развитии нефтегазовой отрасли⁶⁹. На фоне высоких мировых цен на нефть возврат к этатистской экономической политике, политическому монополизму и авторитарному господству в краткосрочной перспективе накануне мирового финансового кризиса 2008-09 годов выглядело самоподдерживающимся. Да и пока что, несмотря на вызванные финансовым кризисом серьезные проблемы российской экономики, вызовы подрыва нынешнего статус-кво в этом отношении не просматриваются.

Таким образом, российский опыт позволяет предположить, что не только «ресурсное проклятие» (т. е. Большая Нефть) может оказывать негативное влияние на Большой Бизнес и Большую Политику, но и, в свою очередь,

⁶⁸ Lucan Way, Authoritarian State Building and Sources of Regime Competitiveness in the Forth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine, *World Politics*. Vol. 57. No. 2 (2005). P. 231–61.

⁶⁹ Немцов, Милов, Ук. соч.; Бессонова, Ук. соч.; Gaddy and Ickes, Russia's Declining Oil Production; Hanson, The Resistible Rise.

Большая Политика может усугублять это влияние, также подрывая основы для успешного функционирования Большого Бизнеса. Неэффективные институты как советского авторитаризма 1970–80-х годов, так и российского авторитаризма 2000-х годов способствовали и способствуют упадку развития страны и помимо «ресурсного проклятия», ставя барьер на пути экономических и политических реформ. Таким образом, Большая Нефть, Большая Политика и Большой Бизнес в российском случае сплетаются в своего рода порочный круг, хотя проверка этого предположения в сравнительной перспективе выходит за рамки настоящей статьи.

Можно ли разорвать этот «порочный круг» неэффективных авторитарных институтов в России и если да, то как их возможные изменения повлияют на экономическое развитие страны в условиях «ресурсного проклятия»? Хотя в краткосрочной перспективе шансы таких изменений не слишком велики, а зависимость России от экспорта нефти и газа вряд ли уменьшится в обозримом будущем, страна отнюдь не обречена на безусловное сохранение модели «государства-хищника». Во-первых, в случае длительного сохранения относительно низких (по сравнению с периодом бума 2004–08 годов) мировых цен на нефть и/или исчерпания технологических и инвестиционных возможностей увеличения производства в нефтегазовой отрасли Россия может, подобно СССР после 1985–86 годов, столкнуться с резким снижением ресурсной ренты⁷⁰. В этом случае велика вероятность того, что лидеры страны будут вынуждены (как и в позднесоветский период) пойти не только на пересмотр экономической политики в сторону большей либерализации, но и на значимые институциональные изменения, в том числе и в политической сфере. Во-вторых, высокий уровень социально-экономического неравенства в России объективно способствует нарастанию конфликтов по поводу перераспределения ресурсной ренты. Сравнительные кросс-национальные исследования свидетельствуют о том, что эти конфликты подрывают стабильность политических институтов, как демократических, так и авторитарных, и при определенных условиях могут способствовать смене моделей экономической политики и изменить характер взаимодействий государства и Большого Бизнеса — в том числе и в России⁷¹. Хотя нет оснований утверждать, что нарушение нынешнего равновесия взаимодействий российского государства и Большого Бизнеса непременно будет способствовать большей эффективности политического курса и управления, сохранение нынешнего статус-кво «государства-хищника», скорее всего, будет означать для России путь стагнации и последующего упадка ее развития. Будущее покажет, окажется ли Россия способна свернуть с траектории «государства-хищника», избежав издержек, не совместимых с ее будущим.

⁷⁰ Гайдар, Ук. соч.

⁷¹ Dunning, Op. cit. P. 286–88.